

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

2) Коран. Перевод и комментарий И.Ю.Крачковского. М., 1963, с.10.

3) "Восток", кн.4, 1924, с.59 (=Избр. соч., т.П, с.240).

Д.Е.Бертельс

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА
ХРИСТИАНА ДАНИЛОВИЧА ФРЕНА

О Х.Д.Френе, первом директоре Азиатского музея, написано довольно много,¹⁾ но все увидавшее свет носит характер библиографический или мемуарный и не дает полного портрета его как ученого и человека. Попытку в общих чертах охарактеризовать его как человека предпринял, пожалуй, лишь П.Савельев в вводной части своей статьи о нем (с.9-12). Однако, в кратком предисловии он предупреждал читателя, что его статья "не имеет притязаний на биографическую полноту, для чего надобно было иметь под руками все оставшиеся после Френа бумаги и его переписку" (подчеркнуто мною, - Д.Б.). И далее: "Это лишь очерк ученой деятельности знаменитого нашего ориенталиста=нумизмата, который еще ожидает себе биографа".

Ожидание это продолжается и по сей день!

Много внимания уделил Х.Д.Френу и И.Ю.Крачковский в своих "Очерках",²⁾ также упомянув о письмах, хранящихся в архиве Френа.³⁾

Преждевременным и несправедливым будет суждение, что о жизни и деятельности Френа все уже изучено и известно. Начать хотя бы с того, что архив Френа до сих пор еще должным образом не упорядочен, что отчасти объясняется тем, что почерк Френа читается с трудом - он писал очень мелко, по-немецки или по-латыни, да к тому же еще готическим шрифтом. Нет еще данных о наличии материалов самого Френа и о нем в других хранилищах. Так, например, автор этих строк, работая в ЦГИА СССР (Ленинград) обнаружил большое количество материалов о жизни и деятельности Френа в фондах Сената - III Департамент, Департамент народного просвещения и др. Рукописи работ Френа были обнаружены в Отделе рукописей Гос. библиотеки им. В.И.Ленина (ф.178), в Гос.историческом музее (Москва).

В небольшой статье И.Ю.Крачковского о переписке В.Р.Розена⁴⁾ сказано, что переписка В.Р.Розена может сравниться по

своему значению только с перепиской Френа. Его переписка блестяще характеризует I-ю пол. XIX в. в истории востоковедения, а переписка Розена — последнюю четверть его и начало XX в.

В архиве Френа находится его переписка с учеными, писателями, государственными деятелями, насчитывающая свыше 2700 писем. Остановлюсь лишь на переписке с двумя корреспондентами, тем более, что в данном случае мы имеем оба ее конца, что, к сожалению, далеко не всегда возможно, особенно, в переписке с зарубежными учеными.

Большой интерес представляют письма к Френу Н.П.Румянцеву⁵⁾ — 75 писем на 110 лл., 1815—1825 г. Письма Френа к Румянцеву хранятся в Отд. рукописей Гос.библиотеки СССР им. В.И.Ленина — 13 писем за 1818—1823 гг. (ф.255, к.10, № 40).

Среди корреспондентов Френа был и С.С.Уваров, а поскольку его письма к Френу касались вопросов востоковедения в России, Азиатского музея, то возникла необходимость ознакомиться с письмами Френа к нему.

Фонд президента⁶⁾ Академии наук С.С.Уварова, как это не странно, оказался не в Архиве АН СССР, а в Гос. историческом музее (Москва, ф.17). Писем Френа в нем около двух десятков с 1815 по 1837 г. на 70 с лишним лл.⁷⁾ Первое письмо Френа Уварову датировано 8 марта 1815 г., в котором он благодарит его за присылку "Проекта Восточной академии". "Ваши идеи о восточной академии, — писал Френ, — разбудили во мне разносторонние интересы. Пусть же не будут общие исследования Востока в России находиться в слабых руках пары одиноко стоящих ученых, пусть же станут они в ближайшем будущем предметом разработки целой группы ученых, объединенных рвением и силой. Пусть и на этой ниве Россия будет соревноваться с Англией, Австрией и Францией".

В письме от 11 декабря 1816 г., являющегося ответом на предложение Уварова занять пост главы имеющего быть созданным Азиатского музея, Френ писал, что такое государство как Россия, которая имеет возможность учить востоковедов у себя, не должна посылать своих молодых ученых за границу, не должна приглашать иностранцев, чтобы они учили молодых людей. В качестве примера будущего ученого и учителя он называет своего ученика Януария Ярцова.⁸⁾

Таким образом, к моменту приезда Френа в Петербург он уже довольно хорошо заочно был знаком с Уваровым — более 2-х лет переписки.

Этим знакомством и следует, пожалуй, объяснить довольно откровенный характер его письма к Уварову, озаглавленное им "Мои пожелания".

Читая то, что написано о Френе, можно думать, что когда он приехал в Петербург, то сразу же все пошло по латинской пословице: "Пришел, увидел, победил" и на него, как из рога Фортуны, посыпались блага земные. Однако, было это далеко не так. Вот некоторые отрывки из упомянутого выше письма.

"Уже много лет, - писал он Уварову, - придал я моим студиям такое направление, которое со временем, быть может, окажется в состоянии принести науке некоторую пользу. Особо направил я их на арабскую лингвистику и критику, а равно и на мусульманскую археологию. Из отраслей, которые многим представлялись мертвыми полями и степями, сумел я добыть кое-какую жизнь, извлечь кое-какую пользу, ибо я долго трудился на этих нивах и неуспешно жил только ими. Тем самым сумел я озарить неким светом те или иные темные точки древности, осветить в некоей степени до сей поры не объясненные те или иные языковые феномены. Внутри страны и за рубежом, в чьих голосах я должен быть заинтересован, мои устремления и опыты были сочтены как не бесполезные. Таким образом, я прежде всего возлюбил эти нивы и мне будет простительно, если я не смогу расстаться со студиями, на которых я 10-12 лет концентрировал мои скудные силы и в коих мои предварительные работы достигли такого объема, который обеспечивает мне возможность будущих обобщений. Ими я вполне смогу жить на предложенном мне в Ростокe месте. Они избавят меня почти полностью от какого бы то ни было преподавания... Они обеспечат мне при сем достаточный доход чрез жалованье в 800 рейхсталеров, ... к чему я сверх того могу еще рассчитывать на 200 рейхсталеров, которые мне могут устроить тамoшние профессора, связанные с Emolumente (т.е. побочные доходы), - Д.Б.), как, напр., сотрудничество в литературных газетах Германии. Так что я буду иметь около 1000 рейхсталеров в год, чем я вполне могу обойтись.

Должность, на которой я ныне нахожусь - академик по разряду восточных древностей⁹⁾ - также вполне соответствует моим склонностям. И в этой должности я имею возможность направить мои студии по мирному пути, смогу жить привычными научными исследованиями... Однако она лишена того преимущества, которое связано с местом в Ростокe, ибо она не обеспечивает мне необходимых средств к существованию.

Я - отец семейства (жена и трое детей, - Д.Б.) и семья моя умножается. С нынешним доходом в 2200 руб., жалованием академика, мне невозможно свести концы с концами, даже если я продолжу, как и нынче, ограничивать всю мою прислугу одной служанкой. Двое моих детей должны пойти в школу. Самый дешевый пенсион (т.е. содержание - Д.Б.) для двоих будет стоить по меньшей мере 600 руб. О прочем говорить не буду. Благодаря принятию побочных должностей, сколько они только могут заполучить, большинство членов Академии повышают свои доходы до 4-6000 руб. в год. Я же слишком люблю мою науку, чтобы время, которое я на нее трачу, непроизводительно расходовать на мешающие мне побочные занятия. Я слишком честный человек, чтобы буде я смогу взять побочные должности, я сам или время, которое я смог бы им уделять, были бы недостаточны.

...Я требую, быть может, меньше, когда я хочу иметь сумму эквивалентную моему доходу в Ростове приблизительно в 1000 рейхсталеров.

За это я охотно возьму на себя одновременно и надзирание над всем или частью восточного минц=кабинета, более того - я сердечно желаю последнее, чтобы я без помех мог бы пользоваться эту коллекцию, мог бы продолжить ее объяснение и всеми силами смог бы содействовать ее совершенствованию. Этому музею, который не смог бы достичь такого богатства без многочисленных дарений покровителей и друзей науки, который затем долгие годы, как кажется, был предан забвению, я вновь наружу покровителей и друзей. Невероятное количество дублетов не должно лежать мертвым грузом. Посредством обмена академическая коллекция может быть доведена до такой степени совершенства, которое я ей гарантирую, как и первое место среди восточных минц=кабинетов".

О том, как Френ работал, свидетельствует такой документ - 22 августа 1817 г. непременный секретарь Академии Н.И.Фус писал исправляющему должность министра просвещения А.Голицыну, что Френ "в течение четырех недель ежедневно с шестого часа по полуночи до вечера занимался очисткой, разобраньем, классификацией, расположением, выбором и отметкой около 4500 монет, однако он с трудом мог окончить сей предуготовительный только труд едва над четвертой частью всего собрания, содержащего около 20.000 восточный монет". 10)

Когда Академия избрала Френа академиком, исполняющий должность министра просвещения Осип Козодавлев доложил об этом царю обстоятельной запиской, в которой между прочим писал, что Ака-

демия признает "сего ученого мужа единственным средством для того, чтобы знатное собрание монет и редкостей сделать полезным чрез описание оногo и приведения в систематический порядок". 19 октября 1817 г. Александр I начертал на этой записке "Быть по сему. Москва",¹¹⁾ иными словами утвердил его в должности академика.

В § 4 письма Френа идет также речь о крайне остром не только в те годы вопросе — о казенной квартире, которая полагалась ему как академику. С момента прибытия в Петербург Френ с семьей жил в двух комнатах, любезно предоставленных ему академиком Ф.И.Кругом в своей квартире.¹²⁾ Френ долгое время не получал квартиры, как он пишет, из-за "неоднократно направленных против меня маневров смотрителя милицейского кабинета", т.е. академика Ф.И.Шуберта. В конце концов, следуя совету Круга, он самовольно занял одну из пустующих квартир в академическом доме и был рад, что так поступил, ибо разрешения Академии на нее он так и не получил. Однако, это была мало пригодная для жилья квартира, а тем паче для работы, так как рабочий кабинет Френа примыкал к комнате, являющейся одновременно гостиной, жилой комнатой, детской и спальней". "И там я работаю при таких разнообразных помехах, при которых, я уверен, не работает ни один из всех прочих академиков...".

Вот так началась жизнь ученого в столице!

Со временем, правда, жизнь Френа начала налаживаться в чем, вероятно, немаловажную роль сыграл, быть может, такой документ:

"Князь Александр Николаевич!¹³⁾ Императорской Академии наук ординарному академику Френу, во уважение отличных познаний его по своей части и усердия к службе, всемилостивейше повелеваю производить в пенсионе, сверх получаемых им окладов жалованья по разным занимаемым им должностям, по 1500 руб. в год из экономических сумм оной Академии. Пребываю Вам всегда благосклонный Александр. В С.Петербурге, 25-го апреля 1820 г."¹⁴⁾

Не говоря уже о том, что письмо "Мои пожелания" не подтверждает мнение о якобы посыпавшихся на Френа благах тотчас же по его прибытии в Петербург, оно позволяет получить более яркое представление о нем, как о человеке и как ученом. Имея возможность более благополучно устроить свою жизнь в Ростове, он тем не менее предпочел связать свою жизнь с Россией, с русской наукой. Фактически почти без крова, испытывая серьезные материаль-

ные затруднения, Френ с раннего утра до глубокой ночи работал в Азиатском музее над коллекцией восточных монет. Это был человек, для которого интересны науки, сама наука стояли превыше всего.

---

1) Назовем лишь несколько: Справочный энциклопедический словарь Крайя, т. II, 1848, с. 413-416; Б. Дорн, Академик Френ и его ученая деятельность, - УЗАН, т. 3, вып. 3, 1855, с. 434-454; широко известная статья П. Савельева, О жизни и ученых трудах Френа, СПб., 1855. Наиболее полно литература о Френе собрана в неопубликованном словаре Г. Гульбина, лл. 556-564 и в "Биобиблиографическом словаре отечественных тюркологов", М., 1974, с. 279-281.

2) И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, - Избранные сочинения, т. V.

3) Архив Френа хранится в ЛО Архива АН СССР (ф. 778).

4) "Русские письма академика В. Р. Розена в Азиатском музее АН СССР", - ДАН, 1929, с. 228-236. В настоящее время архив В. Р. Розена хранится в ЛО Архива АН СССР (ф. 777).

5) Н. П. Румянцев (1754-1826) - с 1807 г. канцлер, в 1814 г. ушел в отставку и занялся сбором материалов по русской истории.

6) Президентом Академии Уваров стал 12 янв. 1818 г., а в то время - попечитель С.-Петербургского учебн. округа с 1811 г.

7) Переписка велась на немецком языке. Переводы мюн.

8) Я. О. Ярцов (1792-1861) - ученик Френа по Казанскому университету; вслед за Френом переехал в Петербург, где в 1818 г. был избран адъюнктом АН по восточным языкам, но в 1819 г. перешел на службу в МИД. Подробнее о нем см.: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов, с. 296.

9) Френ был избран ординарным академиком 24 сентября 1817 г.

10) ЦГА СССР, ф. 733, оп. 12, № 163, лл. 5-8. Все дело, к которому подшиты еще 3 дела, посвящено исключительно Френу и содержит его "Послужной список" (лл. 35-38 и 47-50 - чистовик), составленный 19 сентября 1817 г. Самый полный "Формулярный список о службе..." составленный в августе 1851 г., после смерти Френа, имеется в деле № 218^б, лл. 124-139, из которого явствует, что Френ принял присягу на подданство в Российской империи 11 марта 1840 г., перечислены все научные учреждения и общества, членом которых был Френ с указанием точных дат избрания и т. п.

II) ЦГА СССР, ф. 744, оп. 1, № 8, лл. 104-108.

12) С Ф.И.Кругом Френ переписывался с февраля 1814 г., см. ЛО Архива АН СССР, ф.778, оп.2, № 160, а также ф.88, оп.1.

13) Министр духовных дел и народного просвещения кн.

А.Н.Голицын.

14) ЦГИА СССР, ф.744, оп.1, № II, л.55.

А.И.Михайлова

НЕИЗДАННЫЕ РАБОТЫ ЛЕНИНГРАДСКИХ АРАБИСТОВ
В АРХИВЕ ВОСТОКОВЕДОВ ЛО ИВ АН СССР

В фонде Архива востоковедов ЛО ИВ АН СССР материалы отечественных арабистов занимают значительное место. Они являются главным источником для изучения истории развития арабистических исследований в нашей стране. Поэтому подготовка полного обзора всех материалов арабского фонда имеет первостепенное научное значение.

Важность этой задачи усугубляется тем, что многие материалы заслуживают внимания не только с точки зрения истории науки. Среди них есть труды — монографии и статьи, сохраняющие и сегодня свою научную значимость. Одни из них вполне закончены, подготовлены к печати и могут быть переданы в Издательство без какого-либо вмешательства в текст. Другие требуют некоторых корректив и дополнений с учетом современного состояния проблемы, которой посвящена работа. Наконец, некоторые материалы могут быть обнаружены в виде реферата и т.п.

Я бы хотела подчеркнуть в этой связи, что публикация архивных работ — в той или иной форме — была бы не только выполнением нашего долга в отношении безвременно ушедших из жизни тружеников науки и не только восстановлением преемственной связи в научном исследовании, без чего не может быть полноценного развития самой науки. Издание такого рода архивных материалов будет реальным вкладом в развитие нашей науки сегодня. Оно позволит избежать повторения уже проделанной работы, сэкономит время и силы